

В. А. Кутырев¹

ЧЕЛО-ВЕК XXI: ИСКУШЕНИЕ ТЕХНОГЛОБАЛИЗМОМ²

В середине XX века в истории человечества произошла великая революция, которую можно сравнить с неолитом или с самим возникновением человека. Суть разрыва с предшествующими веками заключается в том, что в своей деятельности люди вышли

¹ Профессор кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 400 публикаций, в т. ч.: «Культура и технология: борьба миров», «Философия постмодернизма», «Бытие или Ничто», «Философия трансгуманизма (против постчеловеческой технологизации мира)», «Последнее целование. Человек как традиция», «Унесенные прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире», «Сова Минервы вылетает в сумерки. Избранные философские тексты XXI века» и др. Член-корреспондент Международной славянской академии науки, образования, искусств и культуры. Награжден серебряной медалью С. Н. Булгакова (МГУ), дважды лауреат премии г. Нижний Новгород.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

за пределы реальности, адекватной их органам чувств и смысловому сознанию. Разделив атомы, они проникли в микромир, а выйдя в космос — в мегамир, стали действовать в средах, где нет жизни. Окружающий мир перестал быть равным их дому. Сам дом становится все более отчужденным от чувственной природы человека, вместо стен — экраны, вместо жизненных, предметных событий — виртуальные, так называемые медиафакты и информация.

Наконец, люди проникли в механизм жизни, способности ее воспроизводства и распространения. Вторглись в святая святых — наследственность. Генетика, возникнув в начале XX века, несмотря на сопротивление классической био(зоо)логии, неуклонно развивалась и пришла к прочтению генома человека, что дало возможность воздействовать на его индивидуальное состояние; начал создаваться инструментарий такого

воздействия — биотехнологии. За генетически модифицированными растениями стали модифицировать животных, а на передовых рубежах геной инженерии отрабатываются методы клонирования и модификации людей. Евгеника теперь представляется их детством, а прежние социальные опасения отбрасываются один за другим как предрассудки. Достижения нейрофизиологии привели к тому, что стало возможным изменять мозг и сознание людей. Переписав на диски, архивировать или отправить его путешествовать по Сети, в результате чего люди обретут способность усваивать несравненно большие объемы информации и перемещаться в пространстве со скоростью света и т. д.

Открываются перспективы, от которых захватывает дух. С ростом количества новых изобретений возрастает количество желающих их реализовать без всяких условий и запретов. При конвергенции современных технологий в итоге возникнет новый идеальный человек. «Венец природы» станет «венцом искусственного», всеведущим и всемогущим. Каким он будет в своем бытийном качестве, если (когда) мы прельстимся создать подобный Human+ и сверхчеловек действительно возникнет? Как нам к нему относиться? Или, быть может, никакого «венца» в виде сверхчеловека не будет и процесс улучшения приведет к New brave world, уже постчеловеческому.

Реакция на эти возможности, как и следовало ожидать, — разная. У одних радость, восхищение ими, у других — страх и жалость к нынешнему «ветхому Адаму». К первому отряду относятся специализированные технократы, талантливые и одновременно бездумные творцы этих достижений, по роду своей профессиональной деятельности ставшие представителями искусственного мира, а также мало о чем задумывающиеся потребители технических благ. Ко второму — чувствующие себя живыми люди, консерваторы, гуманисты, «классики», с превалированием художественного восприятия реальности, апологеты сохранения окружающей природы и природы человека. При этом если первый отряд непрерывно пополняется новыми сторонниками, то ряды второго, увы, редеют. Думается, однако, что ответственно мыслящие люди, тем более философы, не должны торопиться их покидать. Надо защищаться.

Основным аргументом в пользу бегства человека от самого себя является апелляция к объективному ходу событий, «прогрессу». Бегство от свободы. Сущее не рассматривается в своей противоречивой или хотя бы амбивалентной ипостаси, и, отбрасывая всякие представления о должном, его автоматически отождествляют с добром. В таком качестве разум человека по мере расхождения со своей природой становится носителем самоотрицания. Появляются дезертиры жизни, мыслящие, но «не в своем уме», которых все больше. Жить без чувств, половых различий, любви, механичным и полумертвым скоро будет модно, а иметь семью, детей, «домогаться женщин» — извращением. И, казалось бы, очевидная трагичность происходящего отказа от собственной природы, разрушение атрибутов идентичности, что составляет реальное содержание «антропологической катастрофы», «апока-

липиса», «конца света», о чем не случайно, но мимоходом, обывательски тоже говорят, предстает теперь движением к высшему благу. Смерть выдается за некую «новую жизнь» или «нового человека».

Предельной обобщающей ценностью в иерархии благ, которые проистекают из усовершенствования людей (объявляется бессмертие. Это главное искушение и прикрытое трагизма их начавшегося глобального технического перерождения. Но даже если отвлечься от факта, что жизнь существует через смерть, а вид — через смену индивидов (More creator vitae est (Смерть — создатель жизни)), согласившись с возможностью бессмертия, мы сразу сталкиваемся с тем, что это будет другое существо, скорее «техщество». *Другой природы*. Без души, надежд, страхов, радостей и смыслов, у него будет иное отношение к своему «я».

В начале XXI века возник последовательный, честный вариант техноглобализма — трансгуманизм, откровенно, без маскировки провозглашающий, что никакого человека больше не будет, да он и не нужен. Вместо него будут людени или нелюди, то есть некие принципиально новые формы разума, соответствующие искусственной среде, ноотехносфере. Возникая из разговоров об усовершенствовании человека, фактом своего появления трансгуманизм их полностью дезавуирует, раскрывая всю предыдущую фальшь. Его адепты больше не хотят быть людьми, хотя бы и усовершенствованными, не связывают себя никакими телесными и мысленными человеко(со)образными ограничениями. «Трансгуманисты хотят „не остаться людьми“, а наоборот — перестать ими быть, став более совершенными существами, то есть трансхьюманами, или же нелюдями. Трансгуманисты считают, что мы живем в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку...»¹ Таким образом, дальнейшее нерегулируемое развитие новационных технологий ведет к растворению традиционного, исторического человека в творимой им реальности, слиянии с ней. Энтузиасты безграничного техноглобализма им жертвуют, предают, бросая под колеса однонаправленного прогрессистского эволюционизма.

К счастью, в мире есть и другие силы, интересы, тенденции и течения. Прежде всего — выживания человека, его сопротивления трансгрессу в иное. Эволюция жизни привела к человеку, но это не привело к вымиранию всего, что до него было. Даже если (поверим на мгновение трансгуманистам) биоэволюция с неизбежностью должна перерасти в глобальную техноэволюцию, это не значит, что жизнь, в том числе в ее высшей, разумной форме, прекратится. Хотя за ее сохранение, коэволюцию с постжизненными формами надо бороться. Философская антропология будет служить человеку, если останется собственно философской, то есть учением о мире с точки зрения бытия самого человека, его самоценности, или философско-религиозной, то есть учением о мире с точки зрения божественного происхождения людей, их вечности в Боге. Что касается философско-научной антропологии, то в качестве антропологии она тоже возможна, однако при условии,

¹ Энциклопедическая справка. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/90>.

что будет опираться на научные направления, в которых рациональность не отождествляется с редукционизмом, детерминизмом и когнитивизмом.

Человек, чье сознание не похищено силами постчеловеческого мира, хочет оставаться человеком. Мироззренчески эта установка выражается в консерватизме, при котором развитие понимается как изменение с сохранением динамического равновесия, то есть как устойчивое. Консерватизм и устойчивость означают, что, развиваясь, любая система, вещь, сингулярность удерживаются, «стоят» в бытии, в отличие от идеологии новационизма, когда все существует для того, чтобы скорее исчезнуть, заменившись чем-то другим, новым, потом еще более новым. И так далее в дурную бесконечность. Без образа и образца. Консервативное философствование опирается на полионтическое представление о сущем, признание множественности возможных миров и принципиальной значимости *нашей реализации* одного из них. Это своеобразная *ценностная трактовка* антропного принципа. Она является точкой отсчета при оценке всех остальных форм бытия. Человек на Земле — «вышестоящая» форма существования потому и только потому, что мы ее пред-

ставляем, от ее имени мыслим и теоретизируем. Совершенствование с сохранением того, что совершенствуется, может быть только духовным, к чему веками стремилось человечество и в лице его лучших представителей достигало. В подкрепление этого подхода сошлемся на признанный мировой авторитет. «Любой род как таковой совершенен. Человеческий род совершенен, и он противится какому бы то ни было его усовершенствованию. Он плох, но он совершенен; взятый в его уникальности, он бесподобен. ...Необходимо сохранять уникальный голос каждой детали, каждого фрагмента, каждого рода и освобождать их тем самым от гнета конечного предназначения!»¹

Мы согласны с Ж. Бодрийяром, а также неким Римским Папой, который на искушение предложением улучшить христианский Символ веры ответил: *«Или мы останемся какие есть, или нас не будет»*. Нужна стратегия *управляемой* коэволюции естественного и искусственного (Control development), исходящая из цели сохранения нашей идентичности. Сущностно говоря, в эпоху глобальных перемен XXI века это кредо продолжения земного человечества, его бытия вообще.

¹ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 100.